

/rebelzine

Николай Лысенков

КОГДА ПЛАЧЕТ ЦК

альтернативный взгляд
на диктатуру пролетариата
в СССР

Предисловие редактора

Хотелось бы сказать, что публикация этой статьи далась нелегко — и прежде всего из-за дилеммы, которая крепко стала перед всеми членами редакции. Суть ее заключалась в том, что мы стояли между несогласием с некоторыми из ключевых положений этой статьи, но вместе с тем, не из поклонения «свободе слова», но из-за обратных, верных, по нашему мнению, моментов хотели, чтобы материал увидел свет.

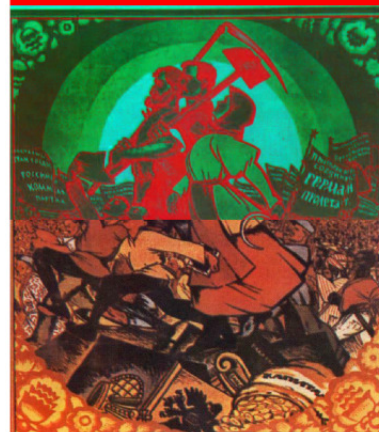
И вот вам предстоит прочесть эти строки. Кто-то обвинит нас в излишней гибкости, хулительном отношении к собственным принципам, однако в данном случае у публикации есть такая сторона, которая может стать подспорьем для обсуждения поднятых проблем, для того, чтобы выставить их у всех на виду. Таким образом, мы призываем читателей отказаться от пассивного созерцания и перейти к действию — вступив в полемику с автором материала, может, редакцией и конечно меж самими собой.

На протяжении столетий нам внушали, что спасение для России — это сильная государственная власть, без которой, мол, все развалится и нас завоюют поганые басурмане востока или безбожные еретики запада. Так учил Н.М. Карамзин, на «Истории Государства Российского» которого воспитывалось не одно поколение образованных русских людей. Так учил С.М. Соловьев, автор многотомной «Истории России», который оправдывал закрепощение крестьян необходимостью борьбы с кочевниками. Так учила «государственная школа», профессора-юристы К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, историк В.О. Ключевский, и его ученик, вождь партии кадетов П.Н. Милюков. И либералов, и консерваторов объединяла любовь к государству, в котором они видели единственную прогрессивную силу, способную двигать общество вперед, защищать его от внешних врагов, якобы всегда угрожающих нам, а заодно и от врага внутреннего, т.е. от народного возмущения (о чем откровенно писали авторы печально известного сборника «Вехи»).

Только революционеры правильно поняли, где корень страданий народа. Не внешние враги опаснее всего для России, и не народные бунты, а родное правительство, представляющее господствующий класс помещиков,

государственная власть, которая веками грабила и унижала народ во имя «защиты отечества», «порядка» и «прогресса». Петр Первый, построивший на костях Петербург и получивший от лъстивых современников титул Великого, удостоенная того же Екатерина, со средневековой жестокостью подавившая восстание Пугачева, в чье царствование крепостное право переживало свой «золотой век» — это не герои, а злые гении русской истории. За фасадом блестящей империи, построенной династией Романовых, скрывались нищие деревни, ужасающая отсталость и дикость подавляющего большинства народа. Чтобы освободить народ, нужно было уничтожить романовскую империю. Народовольцы бросили перчатку самодержавию, но избранный ими метод индивидуального террора оказался ошибочным: устранив одного самодержца, они получили другого, еще более реакционного. Верный путь удалось нащупать только после распространения в России марксизма. Марксистское учение о государстве наиболее полно изложено в работе Ленина «Государство и революция», которую он написал перед самым Октябрем. Вождь большевистской партии предостерегал против всяких иллюзий в отношении государства, как якобы прогрессивной силы. Государство — это ни что иное, как аппарат насилия, при помощи которого один класс держит в подчинении другой, заставляя его работать на себя. С государством нельзя ничего сделать, этот аппарат нельзя приспособить «под себя», как-то его улучшить и облагородить, его можно только уничтожить путем насильственной революции. Как говорил Маркс, «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». Эту государственную машину нужно сломать. Но чем заменить ее? Маркс и Энгельс видели образец в Парижской Коммуне, которую они называли новым, пролетарским государством, «уже не государством в полном смысле этого слова». Что представляла из себя Коммуна? Это была демократическая организация, без чиновничества (все должности — выборные), без особого аппарата насилия (вместо армии и полиции — всеобщее вооружение народа). Коммуна была не парламентской говорильней, а работающим органом — она принимала решения и сама же проводила их в жизнь. Ленин считал, что в России 1917 г. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являются наследниками Парижской Коммуны. Так, по образцу Коммуны, он представлял себе советскую власть. Уничтожить бюрократию,

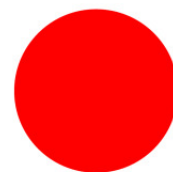
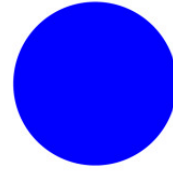
уничтожить государство — передать власть Советам. В Советах Ленин видел реализацию идеи Маркса о диктатуре пролетариата, которая должна открыть путь к коммунистическому обществу, когда само государство станет уже ненужным, «отомрет». Таким образом, не использование старой бюрократической государственной машины, а замена ее Советами, отмена постоянной армии, полиции, чиновничества и т.д. Но действительность в советской России уже вскоре после октябрьского переворота оказалась совсем иной. Почему так произошло? Для этого было множество предпосылок.

Сам же Ленин в «Государстве и революции» пишет, что капитализм уже создал необходимую экономическую основу для социализма в виде государственно-капиталистических монополий. Нужно только «свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и всех вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего». Далее необходимо эти монополии объединить, так, что «все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката», и «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». Это и есть, по Ленину, первая фаза коммунистического общества или социализм. Он особо подчеркивает, что «эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед». А вот когда «все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», тогда «необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой» и можно будет говорить о переходе ко второй, высшей фазе коммунистического общества. По поводу этой «фабричной дисциплины» и

«всенародного государственного синдиката» Ленину пришлось выдержать полемику с левыми коммунистами, обвинявшими его в отступлении от принципов Парижской Коммуны (когда он стал повышать оклады буржуазным специалистам, без которых функционирование такого синдиката было невозможным, и т.п.), но суровая действительность гражданской войны быстро убедила большинство членов РКП(б) в необходимости «военного коммунизма». Последний означал, что Советы фактически утратили ту реальную политическую и экономическую власть, которой они обладали в 1917 – начале 1918 гг., а их полномочия перешли к государственной бюрократии (наркоматам и главкам), чрезвычайным органам (ВЧК) и, конечно, комитетам коммунистической партии, которая превратилась в силу, реально управляющую страной.

С окончанием гражданской войны, когда в 1921 г. разразился кризис этой системы военного коммунизма, Ленин попытался найти из него выход при помощи новой экономической политики. НЭП означал, в том числе, сокращение государственного аппарата и вмешательства государства в экономику. Ленин считал, что «возрождение бюрократизма» произошло из-за недостатка культурности пролетариата и крестьянства, недостаточного экономического развития страны. Надо сказать, что в большевистской партии были и другие варианты выхода из кризиса, в частности, Г.Р. Мясников предлагал всерьез вернуть власть Советам и восстановить демократические свободы, с последним из чего Ленин категорически не согласился. Более того, с его подачи была серьезно ограничена, по сути дела, ликвидирована, свобода мнений уже внутри самой партии, что Ленин, несомненно, рассматривал тогда как временную меру, вызванную чрезвычайными обстоятельствами. Большевики один раз поддались искушению и вернулись на порочный круг русской истории с ее проклятием этатизма, используя государственный аппарат для того, чтобы победить в гражданской войне. Им это удалось, хотя и ценой фактического отказа от принципов Парижской Коммуны, которую Маркс рассматривал как прототип будущего социалистического общества. Ленин, в общем, признавать факт этого отказа не захотел, и продолжал считать, что «государство у нас рабочее с бюрократическим извращением». В дальнейшем, к сожалению, вопрос о «бюрократическом извращении» и о характере советского государства так и не был правильно поставлен ни Троцким, ни Сталиным, ни кем-либо другим из участников

внутрипартийной борьбы большевиков в 1920-х годах. Результатом полемики 1920-х гг. стала победа Сталина и его группы, выдвинувших теорию «социализма в одной стране». Суть ее сводилась к тому, что социалистическое общество можно построить, опираясь на государственный аппарат и широкое применение им насилия. Сталинцы считали, что раз советское государство является пролетарским, то насилие оправдано, так как оно направлено против классовых врагов, а не против народа.

Именно советское государство, а не массы рабочих и крестьян, играло решающую роль в проведении индустриализации и коллективизации (при несомненном большом, всенародном энтузиазме в эпоху первых пятилеток), после чего Сталин объявил, что достигнута победа и существующее в СССР общество является социалистическим. С точки зрения марксизма, это был весьма сомнительный тезис, но Сталин для его доказательства всех уверял, что раз средства производства обобществлены и принадлежат государству, а государство пролетарское, то никакой эксплуатации быть не может: «у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс». Не могут же пролетарии эксплуатировать сами себя? Ту огромную роль, которую играл в построенной им системе партийный и государственный аппарат, Сталин по сути игнорировал. Все это в итоге привело его к необходимости своеобразного развития марксистского учения о государстве, когда он провозгласил, что «отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено». Сталин также утверждал, что советское государство (в реальности мало чем отличавшееся от буржуазных государственных аппаратов), это якобы «совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории», поэтому сравнивать его с буржуазными государствами неправильно. Идеи Сталина были восприняты его преемниками (конечно, без ссылки на него). В программе КПСС 1961 г., например, было откровенно записано следующее: «Опыт СССР доказал, что основным орудием социалистического преобразования общества

служит социалистическое государство». Государство, а не народные массы, создает социализм — и это было записано в программе партии, называвшей себя коммунистической! То же самое касалось и строительства коммунизма, «которое потребует огромных капитальных вложений», естественно, со стороны того же государства. Все это говорилось на фоне демагогии о «перерастании государства во всенародную организацию тружеников социалистического общества», которое авторам программы виделось путем повышения роли Советов и общественных организаций (профсоюзов, комсомола и т.п.) Но само «отмирание» государства при этом отодвигалось в неопределенное будущее: «Для полного отмирания государства необходимо создание как внутренних условий — построение развитого коммунистического общества, так и внешних условий — победа и упрочение социализма на международной арене». А так как для построения коммунизма предполагалось укрепление государства, то здесь снова повторялась абсурдная сталинская идея об отмирании государства через его усиление. Критику сталинского ревизионизма в вопросе о государстве и строительстве социализма дал Мао Цзэдун. Мао также правильно понял, что именно привело Сталина к его ошибке. Изучая советский опыт индустриализации, он увидел, что Сталин «хотел только технику, только кадры; никакой политики, никаких масс». Это означает, что сама идея ускоренной индустриализации, принятая руководством Советского Союза в конце 1920-х гг., толкала его к широкому использованию государственного аппарата и насилия, и «политика» в этом деле только мешала, были нужны технически грамотные специалисты, а от масс требовалась только полная и безоговорочная поддержка правительственного курса. В Китае Мао попытался решить проблему индустриализации другим путем, сначала, неудачно, в ходе «большого скачка» путем организации народных коммун (индустриализация снизу, путем развития местного производства, а не крупных государственных предприятий), а затем в ходе культурной революции. В период культурной революции Мао сделал следующий логический шаг, вытекавший из советского опыта — он понял, что угроза реставрации капитализма исходит не от свергнутых классов, и не от внешних врагов, а от самого якобы «пролетарского» партийного и государственного аппарата. Этому аппарату Мао дал решительный бой, объявив знаменитый лозунг «огонь по штабам», бой, который он в итоге проиграл, и бюрократия реставрировала капитализм, в полном соответствии с

предупреждениями Мао. Сегодня Китай — одно из самых авторитарных государств мира, где рабочим даже пикнуть нельзя, и где пролетариат подвергается жесткой эксплуатации со стороны иностранного капитала, при полной поддержке «социалистического» государства.

Теоретические ошибки Сталина, помимо прочего, привели к появлению в России после 1991 г. странной разновидности «коммунистов-государственников», собравшихся в основном в зюгановской КПРФ. Эти товарищи в своей любви к государству полностью игнорируют указание самого Сталина на то, что социалистическое государство — это не то же самое, что государство буржуазное (аналогичную, и тоже игнорируемую красно-коричневыми, оговорку Сталин делал в отношении патриотизма). А государство в ельцинской и путинской России, естественно, является буржуазным, но наши красно-коричневые все равно очень его любят. Ведь матушка-Россия же, извечное наше государственничество, без которого все сразу рухнет! Тем самым, они хорошо иллюстрируют ошибочность самого сталинского тезиса.

Государство — оно и есть государство, какие бы вы не наклеивали на него «пролетарские» и «социалистические» ярлыки. Если это, конечно, не государство-коммуна, но о коммуне в Советском Союзе после Ленина и речи уже не было, осталось одно словоблудие при жестком диктате партийно-государственного аппарата. Опыт строительства социализма в России и Китае учит нас тому, что старый, буржуазный государственный аппарат — безусловное зло, к каким бы «благим» целям его не пытались приспособить. Нужно разорвать порочный круг русской истории, избавиться от проклятия этатизма и выкинуть бюрократическую машину на помойку, заменив ее советской организацией, построенной по образцу Парижской Коммуны, ранних российских Советов и революционных комитетов времен культурной революции в Китае. Именно так поступают маоисты в Индии и на Филиппинах, которые строят народную власть снизу вверх, создают аналоги Советов на местах, без чиновников и бюрократии.